

...Где прозвучали слова представителей религиозных наставников, которые говорили о роли религии. Где прозвучали слова философов, которые говорили о роли религиозной философии, философии вообще в деле взаимопонимания между разными конфессиями. Еще один параметр - я хотел бы привнести в этот диалог социо-антропологический взгляд. Если мне это будет позволено. И прошу меня воспринимать в моем выступлении не как председателя еврейской конфедерации, а просто как ученого, этнолога, который хотел бы поделиться с вами некоторыми размышлениями о природе еврейства.

Здесь, в этом зале, как и во многих других, еврейство представлено как религиозная система, как некое религиозно-философское единство. Выступавшие здесь до меня ораторы, говорили о том, что есть христианство, есть ислам, но нет, к сожалению, сегодня главного раввина с нами, мы не знаем, что творится в московской синагоге. Еврейство представляло здесь в своем конфессиональном опыте.

Израиль Зиннер, генеральный секретарь Всемирного еврейского конгресса, произнес такую фразу в своей эмоциональной речи: Мы, сказал он, странный народ, нас не всегда понимают. ...Как бы привнеся сюда другое слово, которое не звучало ни в выступлении моего уважаемого соседа справа, ни в выступлениях мусульман.

Я бы хотел как бы предварить те несколько мыслей, которыми я хотел с вами поделиться, некоторым подслушанным мною диалогом или сиорами.

Один из крупнейших еврейских общественных деятелей и политиков 20-го века Владимир Жаботинский писал в своей книге "Слово о полку", где он говорил о создании первого эмбриона еврейской армии во время первой мировой войны, такие слова, я процитирую его по памяти, поэтому прошу прощения за возможные ошибки.

Да, писал он, мы тоже пригласили к себе капеллана, какого-то забредшего случайно в Англию раввина. И у нас, как и всех других, он говорил какие-то глупости. Это не знали, конечно, что мы вносili изменения в питание наших солдат, разумеется, нет. Но во всем были похожи на прочих, у кого тоже были свои капелланы.

Интересный взгляд, интересный подход, не правда ли? Роман ... Синктор, ведущий председатель оргкомитета нашего диалога, в одной из своих ранних работ воскликнул: Еврейство - слово-то какое! Ведь не скажешь: украинство или татарство. Да, не скажешь. Но скажешь: мусульманство, христианство, славянство. И так, как бы сама морфология русского языка вводит еврейство вот в этот ряд. В тот ряд, в котором, на самом деле рассматриваем его сегодня мы. И вместе с тем, слова Жаботинского, которые я вам сейчас привел, оговорка Зингера, четко указывает нам на какой-то другой еще параметр. В еврействе, как наверное, и в армянстве, присутствует эта этно-конфессиональная слитность.

Я приведу, может быть, еще один или два таких вот подслушанных разговора.

В Америке ко мне подошел один из еврейских эмигрантов из России и обратился ко мне с такой речью после моего выступления в одном провинциальном американском городке: Вы знаете, сказал он, я в недоумении, дайте мне совет. В России я всегда отстаивал то, что мы - это нация. А кто не соглашается - то в морду давал. А здесь я им говорю, что мы, евреи - нация, а они только смеются. Надо ли продолжать бороться? - спросил он меня.

Парадоксальный вопрос. Я привожу здесь это, чтобы заострить это понимание.

Действительно, еврейство воспринимается как народ. И одновременно как религия, как жизненный путь, одновременно как философский ... Вот эта двойственная природа еврейства, этно-конфессиональный характер, безусловно, с точки зрения практических судеб данной общности, имеет определенные адаптивные свойства.

В советский период, в период атеистического государства, пожалуй, наверное, еврейская религия как никакая другая была искоренена из гены еврейства.

Я бы сказал, что еврейский народ, я употреблю здесь это слово, за исключением, разве может быть, его восточных частей, горских, грузинских и бухарских евреев, - в массе своей утерял связь с религией, утерял связь с еврейством, которое кончается на "ство". Которое вставляется вот в эту парадигму "христианство", "мусульманство", и